

ТЭРУ

宮本輝

МИЯМОТО

УЗОРЧАТАЯ
ПАРЧА

Маскот. Путешествие в Азию с белым котом

Теру Миямото
Узорчатая парча

«ЭКСМО»

1982

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Миямото Т.

Узорчатая парча / Т. Миямото — «Эксмо», 1982 — (Маскот.
Путешествие в Азию с белым котом)

ISBN 978-5-04-233107-7

Творческая звезда Тэру Миямото вспыхнула в промежутке между поколениями Кобо Абэ и Харуки Мураками. Миямото — один из самых многотиражных и популярных писателей Японии. Лауреат престижных литературных премий имени Дадзая Осаму и Рюноскэ Акутагавы. В «Узорчатой парче» Миямото запечатлел саму японскую душу. Тихое семейное счастье разрушил звонок из полиции — господин Арима пытался совершить любовное самоубийство по сговору. Через несколько месяцев Аки молча развелась с выжившим мужем. Лишь десять лет спустя, случайно встретившись с ним, Аки решила узнать, что же тогда произошло, и написала первое письмо. Завязалась откровенная переписка. Пришло время раскрыть все тайны и излить друг другу души под музыку Моцарта. «Узорчатая парча» — эпистолярный роман, приправленный мистикой, элементами детективного сюжета и философской притчей. Белый кот Мичи — маскот серии. Вместе с вами он оправится в книжное путешествие по странам Азии: от чарующей Японии до загадочного Тайваня. Мичи будет поджидать вас на страницах книги. Вместе с ним вы разделите впечатления от прочитанного. В серии уже вышли книги: Харуки Мураками «Бесцветный Цкуру Тадзаки и годы его странствий» «Хроники Заводной Птицы» «От первого лица» Рю Мураками «Дети из камеры хранения» Эдогава Рампо «Чудовище во мраке» Морий Огай «Танцовщица» Фумико Энти «Цитадель»

УДК 821.521-31

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-233107-7

© Миямото Т., 1982

© Эксмо, 1982

Содержание

О магических кристаллах слов и узорчатой парче японской литературы	7
Узорчатая парча	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тэру Миямото Узорчатая парча

Teru Miyamoto

KINSHU

© Дуткина Г., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
„Эксмо“», 2025

О магических кристаллах слов и узорчатой парче японской литературы

Тэру Миямото родился в 1947 году в г. Кобе. В литературу ворвался на гребне «новой японской прозы» вместе с такими известными нам писателями, как Рю Мураками и Кэндзи Накагава. Но если имена последних в России, что называется, «на слуху», то Тэру Миямото известен гораздо более узкому кругу. Можно, пожалуй, сказать, что на фоне «монополизированных» до недавнего времени российских читателей «двух Мураками и Бананы» он незаслуженно обойден вниманием. Во-первых, потому, что в самой Японии Тэру Миямото, творящего как в русле «массовой», так и «чистой» литературы, чтут отнюдь не меньше Харуки Мураками. А во-вторых, потому, что в Россию Миямото «попал» намного прежде нынешних кумиров, хотя и не через книжные прилавки: первая же его повесть «Мутная река» (Доро-но кава) прогремела на весь мир с киноэкранов, когда в 1981 году одноименный фильм режиссера Кохэя Огури получил приз на Московском кинофестивале, а в 1982 году был номинирован на «Оскара». После чего в России о новой японской звезде, вспыхнувшей в промежутке между поколениями Кобо Абэ и Харуки Мураками, забыли на долгие годы. Снова вспомнили и восторженно заговорили лишь в 2000 году, когда в издательстве «Восточная литература» «Мутная река» вышла, наконец, на русском языке вкупе с несколькими рассказами Миямото¹. Вспомнили – и поразились яркости и самобытности таланта.

Между тем в Японии Тэру Миямото обласкан критикой, избалован премиями и огромными тиражами с самого начала творческой карьеры. Окончив литературный факультет университета Отэмон Гакуэн, он поступил в рекламное агентство, однако проработал там недолго, предпочтя литературу. Потом Миямото еще раз попытается вернуться в бизнес, но снова оставит его. Слава пришла к нему сразу – и никогда не отворачивалась от него. В 1977 году Миямото получает литературную премию Дадзая Осаму за первую же свою повесть «Мутная река» (Доро-но кава), а в 1978 году – самую престижную в Японии литературную премию Рюноске Акутагавы за свое новое произведение – повесть «Река светлячков» (Хотару-гава). Вместе с повестью «Река Дотомбори» (Дотомбори-гава) эти произведения составили так называемый «цикл о реках». Кстати, все три «речные» произведения были экранизированы в 80-х годах. Также экранизирован в 1995 году роман «Призрачный свет» (Мабороси-но хикари).

Перу Тэру Миямото принадлежат роман «Вечно изменчивое море» (Рутэн-но уми, 1984 г., первая часть дилогии), роман «Земная звезда» (Ти-но хоси, 1992 г., вторая часть дилогии), роман «Фаворит» в 2 томах (Юсюн, 1986 г.), удостоенный литературной премии Эйдзи Ёсикавы, двухтомный роман «Стул в степи» (Согэн-но ису, 1999 г.), а также множество других, не менее известных произведений. Тэру Миямото относится к самым «многотиражным» и популярным писателям Японии. Многие его произведения переведены на иностранные языки.

«Узорчатая парча» (Кинсю) была написана в 1982 году, однако внимательный читатель напрасно будет искать в ней реалии, позволяющие определить точное время действия. Хотя в целом понятно, что это ХХ век, а точнее, его вторая половина. Точно так же придиричивый литературовед столь же безуспешно попытается определить жанр «Узорчатой парчи». Да, спору нет, «Парча» стилизована под переписку двух героев. Значит, роман в письмах? Едва ли... В «Узорчатой парче» столь же явно присутствуют характерные признаки откровенно-пронзительного «ватакуси-сёсэцу» (повествование о себе), изысканно-прихотливого «дзуйхицу» (эссе «вслед за кистью»), глубокой философской притчи, женского романа (жен-

¹ Миямото Тэру. Собаки в разгар лета: Рассказы и повести / Пер. с яп. М. Жанцаровой. М.: Восточная литература, 2000.

ская линия явно доминирует), есть даже элементы захватывающего, интригующего детектива, особенно в завязке произведения.

На первый взгляд все достаточно незатейливо, просто. Бывшие муж и жена волею случая (или Провидения?) сталкиваются друг с другом в горной глуши, в кабинке фуникулера – и тотчас же расстаются, не сказав друг другу практически ничего. Десять лет назад они развелись, потому что муж героини Акико – Ясуаки Арима – изменил жене, и при этом едва не погиб, якобы при попытке «двойного самоубийства» с любовницей. За прошедшее время угли трагедии подернулись пеплом, покрылись патиной времени, но внутренний жар их еще настолько силен, что при встрече в душе Акико снова вспыхивает яростное пламя, – и она завязывает переписку. Несколько писем от Акико к Ясуаки и несколько писем от Ясуаки к Акико – вот и все короткое повествование. Но в этой не слишком толстой стопке листов столько пронзительной боли и безысходного отчаяния, столько неистовой, безрассудной любви и обжигающей ненависти, столько жалости, мужества, жертвенности и высокого благородства, что другому, менее талантливому писателю достало бы на целую сагу. Лаконичная, но бездонно емкая «Человеческая трагедия». В каком-то невероятном, безумном темпе перед читателем пролетает десятилетие жизни героев – со всеми их взлетами и падениями, с разочарованиями и надеждами, страхами и мечтами. Реальные события переплетаются с воспоминаниями о прежней жизни, о том, что же случилось на самом деле и что послужило истинной причиной развода двух искренне любивших друг друга людей.

Несколько лет работы в рекламном агентстве не прошли бесследно для писателя Тэру Миямото. Неправ тот, кто полагает, что реклама – это презренное ремесло. Реклама (разумеется, хорошая, умелая реклама) – своего рода искусство, сродни работе огранщика драгоценных камней. Это квинтэссенция слова, квинтэссенция образа, ибо цель рекламы – выхватить и осветить мгновенным лучом самые яркие, самые важные грани того, чему она служит. Тэру Миямото – мастер своего дела. Он гранит магические кристаллы слов. Из его книги нельзя убрать ни абзаца, ни даже фразы – иначе прорвется, нарушится драгоценная ткань переливающейся парчи текста. Мгновенный, незримый поворот волшебного кристалла Слова – и мир окрасился в черный цвет беспросветного мрака, отчаяния. Еще поворот – и алое зарево бушующего пожара, безумия и любви затопило страницу... Одно описание алых кленовых листьев, пожалуй, стоит поэмы! Потрясенная неожиданной встречей Акико вспоминает: «... Красным был не весь склон: в багрянце мелькали вкрапления вечнозеленых растений, коричневые листья, золотились ветви похожих на гингко деревьев. Рядом с ними красный цвет был особенно ярким, он прямо-таки пламенел. Казалось, из смещения мириадом цветов и оттенков вырываются огромные языки неистового огня. Потрясенная этим зрелищем, я, не в силах сказать ни слова, молча взирала на многоцветье пышной растительности, словно впитывая его в себя. <..> Опыленная неистовством оттенков красной листвы, я ощутила в этом пламени горного леса нечто ужасное, убийственное, словно прикосновение холодного клинка».

Однако повествование Тэру Миямото сверкает и переливается не только гранями слов. Оно буквально затягивает в себя, завораживает философским и литературным подтекстом, уводит в глубины веков – словно при чтении старой японской поэзии, пронизанной ассоциациями и аллюзиями. Дело в том, что «Узорчатая парча» буквально напитана духом японской художественной традиции, точно губка водой. Собственно говоря, конкретно и прямо об эстетических категориях не сказано ни единого слова, однако читатель, хотя бы немного знакомый с традиционной японской культурой, каким-то шестым чувством непременно уловит присутствие духа Японии, пресловутой японской Души. В подсознании сами собой всплывут вдруг абстрактные, но при этом непостижимо конкретные понятия «моно-но аварэ» (очарование всего сущего), «ёдзё» (послечувствование), «югэн» (скрытая красота), «саби» (заброшенность, чувство вечного одиночества), «сатори» (озарение), «цуцусими» (воздержанность, скромность) и многое другое... Ну а буддийский термин «карма» – это вообще одно из ключе-

вых понятий-символов произведения. Используя эпистолярный «стиль», автор не просто воссоздает очарование языка старой литературы (ибо и поныне японцы пишут письма, используя особую лексику, особые обороты вежливости, особые, старые формы грамматики и прочие языковые «изыски»). Его герои, практически наши современники, жители индустриальной, научно-технической Японии по сути дела мыслят категориями японцев Средневековья и действуют сообразно канонам средневековых духовных ценностей – повинуюсь высокому долгу и чести, почти конфуцианской дочерней (сыновней) почтительности, благородству и благодарности за оказанные благодеяния. По сути дела, в романе нет ни одного отрицательного героя, ни единого проявления низменных или пошлых чувств. Это аристократы духа. Все они глубоко несчастны, но возвышенно-благородны и склонны к самопожертвованию. В этом смысле «Узорчатая парча» глубоко традиционна. Кстати, драма героев начинается именно с «синдзю» – воспетого в классической японской литературе и поэзии «двойного самоубийства» влюбленных. Его совершали несчастные любящие, если Судьба препятствовала их соединению. Неважно, что на поверку «двойное самоубийство» окажется не «двойным». Что возлюбленная Ясуаки сначала пыталась убить его, а потом лишила жизни себя, – ведь это случилось не из подлости или мести, а совсем по иным, драматичным и романтическим, почти что классическим мотивам...

Особенно ярко, подобно вспышке алых кленовых листьев, подан образ главной героини «Узорчатой парчи» Акико. Своей духовной силой, мужеством – и в то же время страстностью женской любви и своей красотой – она воскрешает в памяти героинь старинных рыцарских романов. Но не только их. Она очень напоминает известную японскую поэтессу Акико Ёсано, творившую в начале XX века. Поэтический сборник Акико Ёсано «Спутанные волосы» – это гимн свободной от пут условностей и средневековых запретов страстной женской любви. Юная Акико Ёсано (кстати, тоже Акико! Может быть, совпадение тут отнюдь не случайно?) совершила немыслимый для эпохи Мэйдзи поступок. Она бежала из дома, дабы соединиться с любовником – известным поэтом того времени Ёсано Тэкканом, кстати, связанным брачными узами с другой женщиной. И ее сборник «Спутанные волосы» (что в поэтике было весьма смелым по тем временам символом любовной страсти) посвящен главным образом возлюбленному. Столь же юная Акико из «Узорчатой парчи», воспитанная в традиционном японском духе почтения к родительскому авторитету, тем не менее возлюбленного и мужа (Ясуаки Ариму) тоже выбирает сама, не считаясь с условностями, и даже вступает с ним в любовную связь до заключения официального брака, просто поставив отца перед фактом. Это уже потом, раздавленная изменой мужа, унижением и позором, тоской по утраченной любви, она никнет и начинает действовать, словно безвольная марионетка, во всем повинуюсь воле отца. Несчастья на время словно сжигают ее незаурядную личность. Как тут не вспомнить стихотворение Акико Ёсано, написанное после кончины ее возлюбленного!

Мнилось: Сияюще-алая Твердыня воздвиглась В моей душе. А там – пепелище².

Но Акико из «Узорчатой парчи» находит в себе мужество для возрождения. Она решается на развод с нелюбимым вторым мужем, за которого вышла по воле отца, и посвящает себя воспитанию и лечению своего неполноценного ребенка, из которого фанатично пытается сделать нормального члена общества. Она даже находит силы понять – и простить предавшего ее Ясуаки. Совершенно очевидно, что автор хочет предъявить читателю японку нового типа – раскованную, смелую, независимую в решениях и выборе, умную, тонкую и в то же время непокорную и несгибаемую, бунтующую и мятежную, словом, женщину нашего времени. Хотя догмы старых условностей по-прежнему сковывают ее по рукам и ногам... Это намерение автора как бы усиливается, подчеркивается и дополняется женской ролью «второго плана» – «простушкой» и простолюдинкой Рэйко. Эта девушка, которой Ясуаки, казалось бы,

² Пер. с яп. Е. Дьяконовой. Журнал «Иностранная литература», 1999, № 10.

просто пользуется в стесненных жизненных обстоятельствах, на самом деле отнюдь не проста и тем более не глупа. Она практична, предприимчива (кстати, автор и тут проводит аналогии со средневековыми женщинами Японии – обитательницами торгово-купеческой Нанивы – старой Осаки), полна жизни и любит Ясуаки – беззаветной и бескорыстной любовью, граничащей с самопожертвованием. Собственно, это Рэйко (вместе с Акико, поддерживающей бывшего мужа своими письмами) вытаскивает Ясуаки из пучины отчаяния и жизненной грязи, в которую он постепенно погружается после развода с Акико. И Смерть, преследовавшая его много лет, наконец отступает от него. (Тема Смерти и, в частности, самоубийства вообще характерна для творчества Тэру Миямото, она звучит во многих его произведениях.) Ясуаки уходит от Смерти к Жизни – и к новой, хотя и вполне земной любви...

Мужские характеры тоже незаурядны. Сам Ясуаки и отец Акико – весьма колоритные, запоминающиеся и «узнаваемые» типажи японских мужчин. Можно даже сказать, что по японским меркам это почти что «мачо». И все же мужская линия явно проигрывает женской. Можно только поражаться искусству перевоплощения автора-мужчины, сумевшего столь тонко, столь изощренно показать изнутри мельчайшие движения противоречивой и алогичной женской души...

Не менее поражает еще одна особенность «Узорчатой парчи»: столь же элегантная утонченность стилистики Миямото, также обращенная скорее в прошлое, нежели в настоящее, и явно адресованная избранным. «Узорчатая парча» – прозаическое произведение, однако воспринимается как высокая поэзия классических танка и хайку. Намеренно или невольно автор прибегает к псевдопоэтическим приемам, нам судить не дано. Но взгляд «цепляет» нечто такое, что заставляет искушенного в японской поэзии читателя вспоминать поэтические «слова-изголовья» (макура-котоба), содержащие набор устойчивых эпитетов; «иносказательные описания» (мидатэ), опосредованно передающие мысль автора; «развернутые экспозиции» (дзё), как бы дающие красочное введение к главной посылке, не говоря уже об обилии «сезонных слов», отражающих времена года (киго) – непременных атрибутах хайку... Все это придает удивительную гибкость и пластичность тексту. Автор использует и богатейшую цветовую палитру, подчеркивая выразительность мысли и слога. Доминируют два цвета – алый цвет (кленовые осенние листья, языки пламени, пожар, любовная страсть) и беспросветно-черный (ночное небо, Смерть, ненависть, страх, отчаяние), однако они изысканно сочетаются с золотыми, зелеными, желтыми и багряными тонами – как в природе, так и в эмоциях героев. Краски переливаются, сверкают, перетекают друг в друга, образуя невероятные сочетания. Это фантастический синтез слова, чувства, цвета и музыки души. На прощание Акико напишет Ясуаки: «Перед тем как приступить к этому письму, я снова перечитала все Ваши послания. Разные чувства и ощущения промелькнули в моем сердце. Их невозможно выразить словами. Они подобны узорчатой парче моей души. Или переливающемуся мириадами оттенков и красок осеннему лесу»... В тексте оригинала этот пассаж короче и лаконичней. Но очарование японского языка заключается в том, что порой для того, чтобы передать все мыслимые нюансы короткого японского слова, требуется очень много русских эквивалентов. И не всегда они являются синонимами. Вот так и здесь. Вынесенное в заглавие произведения слово «кинсю», которое традиционно (и весьма неточно) принято переводить как «золотое шитье», на самом деле гораздо богаче и многослойней. Это и «богато расшитая парча, или богатая одежда», и «пышный, пестрый осенний ковер, многоцветные краски осени». А также – что особенно важно! – «изящная, изысканная поэзия и проза». Такого жанра, разумеется, не существует. В таком случае его следует выдумать. Потому что произведение Тэру Миямото заслуживает именно этого определения. *«Узорчатая парча японской литературы»...*

Галина Дуткина

Узорчатая парча

Господину Ясуаки Ариме

Извините великодушно, что сразу перехожу к делу.

Даже представить себе не могла, что когда-нибудь вновь встречу Вас, да еще в горах Дзао, в кабинке фуникулера, поднимаясь от Сада георгинов к станции Докконума.

Удивление мое было столь велико, что все двадцать минут, оставшиеся до прибытия в Докконуму, я просидела молча, словно утратив дар речи.

Сколько же времени утекло с того дня, когда я последний раз вот так же писала Вам письмо?.. Если посчитать, получается лет двенадцать-тринадцать. Думала, что никогда уже не увижусь с Вами, однако волею случая мы все-таки повстречались. Увидев Ваше разительно переменившееся лицо, Ваши глаза, я мучилась и колебалась, прежде чем решиться на этот поступок, однако после долгих раздумий все же собралась с духом. И вот, с немислимыми усилиями разыскав Ваш нынешний адрес, я пишу Вам это письмо. Вы вправе посмеяться над моей неизменно взбалмошной и капризной натурой... Я никогда не умела сдерживать свои порывы.

В тот день мне вдруг взбрело в голову купить билет на экспресс «Цубаса» № 3, отправлявшийся с вокзала Уэно. Дело в том, что я хотела показать моему ребенку звездное небо над горной вершиной Дзао (сына зовут Киётака, ему исполнилось восемь). Возможно, тогда, в вагончике фуникулера, Вы обратили внимание, что мой сын – инвалид детства. У него не только плохо действуют ноги, он вообще отстает в развитии на два-три года от своих здоровых ровесников. Не знаю почему, но мальчик очень любит смотреть на звезды, и когда нет облаков, он готов часами любоваться ясным ночным небом над двором нашего дома в квартале Корозэн.

Перед тем мы два дня провели в токийском доме отца на улице Аояма. Накануне отъезда домой в город Нисинмия я на ночь глядя машинально перелистывала какой-то журнал – и вдруг наткнулась на снимок ночного неба, сделанный с горной вершины в Дзао. Небо было сплошь усыпано звездами, и от красоты фотографии у меня даже перехватило дыхание. Мне вдруг ужасно захотелось показать Киётаке эти самые звезды – но не в журнале, а наяву, хотя сын еще никогда не уезжал далеко от дома.

Отцу в этом году исполнилось семьдесят, но он еще крепок и бодр и ежедневно ездит на фирму. К тому же он по-прежнему руководит токийским филиалом компании, и потому каждый месяц недели две проводит в Токио, в известной Вам квартире на Аояме. За прошедшие десять лет он совсем поседел и сгорбился, однако здоровье все еще позволяет ему жить на два дома. И все же недавно, в самом начале октября, спускаясь по лестнице к машине, которую прислали за ним с фирмы, отец оступился и подвернул щиколотку. Оказалось, что повреждена кость, и хотя трещинка была совсем крошечная, из-за обильного внутреннего кровотечения отец на какое-то время оказался прикованным к постели. А потому мне пришлось немедленно выехать в Токио на скоростном экспрессе «Синкансэн», взяв с собой Киётаку. Лишенный возможности двигаться, отец сделался страшно брюзгливым, опека домработницы Икуко начала его раздражать, и он по телефону вызвал меня к себе. Понимая, что отлучка может затянуться надолго, я взяла Киётаку с собой; но вывих, в сущности, был пустяковый, так что, увидев меня с Киётакой, отец сменил гнев на милость. Тут же принялся торопить меня с отъездом, видимо, теперь уже беспокоясь о нашем доме в Корозэн, и сказал, что я могу возвращаться.

Не знаю, как следует воспринимать подобные выходки – плакать или смеяться, но будь что будет, лишь бы отец был доволен, – и мы решили возвратиться к себе в Корозэн.

Препоручив больного заботам Икуко и секретаря Окабэ, я отправилась с сыном на Центральный вокзал с намерением возвратиться домой. Но когда мы приехали на вокзал, мне вдруг бросился в глаза яркий рекламный плакат какой-то туристической фирмы с видом Дзао. Осень

была в самом разгаре, и на фото раскинули пышные ветви дерева, ослеплявшие буйством красок листвы. До того дня я почему-то представляла Дзао царством зимней сказки: покрытые шапками снега, застывшие стволы и ветви... Но, стоя в станционном зале, я попыталась вообразить, как эти деревья, которые вскоре обледенеют от стужи, еще шелестят яркой листвой, раскачиваясь на ветру под усыпанным звездами небом, и мне неудержимо захотелось показать моему неполноценному ребенку эти девственно-чистые горы под мириадами звезд. Когда я сказала об этом Киётаке, глазенки у него загорелись, и он умоляюще захныкал: «Хочу поехать, хочу поехать!» Хотя все это было изрядной авантюрой, я все же направилась к стойке туристической фирмы, стоявшей прямо в здании вокзала, с намерением купить билеты до Ямагаты и забронировать места в гостинице на источниках Дзао, а также взять билеты на авиарейс Сэндай – Осака, чтобы попасть домой. Однако билеты на этот рейс оказались распроданы, так что пришлось изменить планы. Нужно было задержаться еще на сутки – либо в Дзао, либо в Сэндае, чтобы вылететь следующим рейсом. Я решила провести это время в Дзао, и мы поехали на вокзал Уэно. Остановись мы в Дзао всего на одну ночь, наша встреча так бы и не состоялась. Сейчас мне все эти совпадения кажутся до чрезвычайности странными.

В Ямагате погода была пасмурная. По дороге от станции к источникам Дзао я смотрела из окошка такси на низкое небо в полнейшем унынии. Мне вдруг пришло в голову, что я ведь уже бывала в этих местах района Тохоку. Тогда, во время свадебного путешествия, мы с Вами добирались от озера Тадзава, что в префектуре Акита, до города Товада в префектуре Аомори.

Мы остановились в гостинице на горячих источниках. Бурлящая вода стекала вдоль обочин дороги по дренажным канавам, в воздухе ощущался острый запах серы. Плотные облака заслоняли ночное небо. Ни одного просвета, сквозь который можно было бы разглядеть хоть слабый отблеск луны или звезд. Тем не менее настроение у нас было приподнятое: горный воздух был свеж, к тому же это было, в сущности, наше с сыном первое настоящее путешествие. Наутро тучи развеялись. Киётака схватил свой костылик. Чувствовалось, что ему просто не терпится отправиться к фуникулеру. Сразу же после завтрака мы побрели к станции канатной дороги в Саду георгинов.

Наша встреча с Вами оказалась столь неожиданной, что при одной мысли об этом у меня до сих пор замирает сердце. В самом деле, как могло статься, что мы очутились в одной и той же кабинке фуникулера, в далекой-далекой префектуре Ямагата, в горной глуши Дзао, где бесконечно снуют вверх и вниз бесчисленные вагончики нескольких канатных дорог?!

Пассажиры стояли небольшими группками в ожидании подходящих кабинок. Через несколько минут подошла и наша очередь. Открыв дверь, кондуктор сразу же увидел Киётаку с костыликом и, полюбив его, посадил в вагончик. Следом прошла я. Тут я услышала, как кондуктор приглашает еще одного пассажира. В кабине было тесно, но прямо перед нами оказалось свободное место, и вошедший – мужчина в светло-коричневом пальто – уселся прямо напротив. Дверь закрылась, и кабинка, слегка покачиваясь, поползла вверх. Я мельком взглянула на незнакомца – и вдруг поняла, что это – Вы! Не знаю, какими словами можно выразить изумление, что я испытала в то мгновение. Но Вы по-прежнему не замечали меня – сидели, уткнув подбородок в поднятый воротник пальто, и рассеянно разглядывали менявшийся пейзаж. Вы глядели в окно, а я жадно, не отрывая глаз, всматривалась в Ваше лицо. Я села в кабинку фуникулера, чтобы полюбоваться изумительной красотой осенней листвы, но даже и не взглянула на деревья за окном. Я не могла оторвать глаз от сидевшего напротив меня мужчины. За эти несколько мгновений я не раз усомнилась в том, действительно ли это Вы, мой бывший супруг Ясуаки Арима. Если это и впрямь Ясуаки Арима, то каким образом он очутился здесь, спрашивала я себя. Сомнения терзали меня не только от неожиданности встречи, но и еще из-за поразительных перемен, что произошли в Вас за десять лет разлуки... Вы запомнились мне совершенно иным человеком.

Десять лет... Тогда мне было двадцать пять, а теперь уже тридцать пять. Вам же исполнилось тридцать семь. Словом, мы вошли в такой возраст, когда перемены в облике человека начинают становиться все заметнее и заметнее. Однако то, что случилось с Вами, не было просто патиной времени. Я буквально кожей почувствовала, что жизнь изрядно поломала Вас и Ваше существование отнюдь нельзя назвать безмятежным. Прошу, пожалуйста, не сердитесь. Я и сама не могу понять, зачем пишу это письмо. Возможно, мне просто захотелось выплеснуть чувства, что владеют мною сейчас. И, верно, другого письма не будет, все ограничится этим «односторонним» посланием Вам. К тому же я пишу сейчас и не знаю, хватит ли у меня духу опустить письмо в почтовый ящик...

Наконец вы бездумно скользнули по мне глазами и снова уставились в окно. Однако Ваш взгляд тут же вернулся ко мне, и Вы всмотрелись в меня широко раскрытыми от изумления глазами. Так мы сидели довольно долго. Я понимала, что нужно что-то сказать, но не могла найти подходящих случаю слов. Наконец я с трудом прошептала: «Как давно мы не виделись!» «В самом деле, очень давно», – ответили Вы. Затем, как-то рассеянно взглянув на моего Киётаку, спросили: «Ваш ребенок?» У меня перехватило горло, и я смогла вымолвить только краткое «Да». В моих пустых глазах вспыхивали проплывавшие за стеклами кабины ярко-алые купы деревьев. Господи, сколько же раз мне уже задавали этот вопрос: «Ваш ребенок?»! Когда Киётака был поменьше, его физическая увечность и умственная неполноценность еще сильнее бросались в глаза, поэтому многие даже не скрывали сожаления, другие же, напротив, напускали на себя делано равнодушный вид. В подобных случаях я собирала в кулак всю свою волю и, глядя прямо в глаза собеседнику, отвечала с вызывающей твердостью: «Да! Это мой сын!» Но теперь, когда об этом спросили Вы, меня охватило не ведомое дотолем жгучее чувство стыда, и я смогла едва слышно промолвить: «Да...»

Кабина фуникулера медленно поднималась к станции Докконума. Вдалеке показалась горная цепь Асахи, а внизу, у подножья, поблескивали далекие точки крыш городка на горячих источниках. В просветах между деревьями мелькнула красная кровля гостиницы, выстроенной на склоне соседней горы. До сих пор отчетливо помню, что в какое-то мгновение это напомнило мне адское пламя, изображенное на какой-то картине эпохи Камакура³. Интересно, откуда такая ассоциация? Должно быть, сама обстановка – раскачивающаяся кабинка фуникулера, охватившее меня душевное смятение, чудовищное напряжение нервов, – все это, вместе взятое, привело меня в престранное состояние духа. А потому все остальные двадцать минут, что вагончик полз по горному склону, я просидела, не проронив ни слова, и мечтала лишь поскорее добраться до Докконумы – хотя могла бы о многом спросить Вас. То же самое происходило при расставании с Вами десять лет назад. Мы собирались оформить развод, и, наверное, нужно было высказать все, что было у нас на душе, поделиться друг с другом. Однако этого не случилось. Десять лет назад я даже не пожелала потребовать от Вас вразумительных объяснений по поводу происшедшего. Вы тоже упрямо молчали и не сделали ни малейшей попытки хоть как-нибудь оправдаться. В двадцать пять я не умела быть мягкой и великодушной, да и Вы в свои двадцать семь, похоже, не могли заставить себя смирить гордыню.

Потом заросли за окном совсем заслонили солнечные лучи. В кабине сгустился легкий сумрак. Глядя куда-то мимо меня, Вы пробормотали: «Вот и приехали». В этот момент я рассмотрела у Вас на шее шрам. Верно, от той самой раны, подумала я и поспешила отвести взгляд. Выйдя из кабины у грязно-серого павильончика станции, Вы остановились на дорожке, что вилась к Докконуме, и слегка поклонились: «Ну, я пошел». Потом быстрыми шагами устремились прочь.

Мне хочется, чтобы это письмо вышло как можно более искренним. В общем, когда Вы скрылись из виду, я какое-то время стояла, не в силах двинуться с места. При мысли о том,

³ Историческая эпоха (1185–1333).

что теперь-то я уже не увижу Вас никогда, меня охватило неудержимое желание заплакать, и я едва сдержала слезы. Я и сама не могу понять, что тогда на меня нашло. Но я едва не бросилась вслед за Вами – спросить, как Вы живете, что делали все эти годы разлуки. Не будь со мной Киётаки, наверное, я так бы и поступила.

Стараясь приноровиться к походке сына, я медленно побрела по дороге в Докконуму. Сморщенные цветы засохших космей покачивались под дуновениями прохладного ветра. Путь, который нормальный ребенок в возрасте Киётаки прошел бы за десять минут, мы преодолели за добрых полчаса. Но если вспомнить, что было прежде, то и такой результат определенный прогресс. Ведь мальчик лишь года два как начал потихоньку воплощать свои желания в реальные действия. Успехи настолько значительны, что с недавних пор учителя специальной школы, где учится сын, стали поговаривать о том, что со временем Киётака, похоже, сможет жить и работать не хуже, чем любой другой человек, если, конечно, будет очень стараться.

Миновав безлесный участок, граничивший с болотцем, мы сели в вагончик другого фуникулера, поднимающийся прямо к вершине горы. Я окинула взглядом далекий склон в надежде отыскать Вашу фигуру. Но Вас нигде не было видно. Затем мы немного спустились вниз и через дубовую рощу вышли к огромной скале, выступавшей прямо из склона; там я усадила Киётаку, и мы долго любовались расстилавшимся перед нами видом. На небе не было ни единого облачка, в вышине без усталости кружили черные коршуны. Далеко-далеко, вероятно, у самого моря, в легкой фиолетовой дымке, словно в тумане, тянулась горная цепь. Я объяснила Киётаке, что это гряда Асахи, а вон та громада справа – гора Тёкай-сан; при этом я без конца поглядывала на прямоугольные коробочки фуникулера, ползшие вниз по соседнему склону. Я все надеялась увидеть там Вас. Всякий раз, когда сзади на тропке раздавались чьи-то шаги, я с замирающим сердцем поворачивала голову – не Вы ли?..

Киётака радостно смеялся, наблюдая за парящими коршунами, за крошечными вагончиками канатной дороги, видневшимися далеко внизу, за курившейся откуда-то струйкой дыма. Я смеялась вместе с ним, а перед глазами все стояло Ваше лицо – каким я увидела его только что, после десяти лет разлуки. Мне подумалось: как же Вы изменились! И что же могло привести Вас в Дзао?.. Я просто не могла думать о чем-то ином.

Мы просидели на скале часа два. Наконец мы решили вернуться в гостиницу. Спустившись на подъемнике в Докконуму, мы перешли к другому фуникулеру. На сей раз мы с сыном были одни в кабинке, и я вновь погрузилась в созерцание алой листвы, что особенно хороша именно в эту пору. Впрочем, красным был не весь склон: в багрянце мелькали вкрапления вечнозеленых растений, коричневые листья, золотились ветви похожих на гинкго деревьев. Рядом с ними красный цвет был особенно ярким, он прямо-таки пламенел. Казалось, из смесенья мириадом цветов и оттенков вырываются огромные языки неистового огня. Потрясенная этим зрелищем, я, не в силах сказать ни слова, молча взирала на многоцветье пышной растительности, словно впитывая его в себя. И тут мне почудилось что-то страшное. Мысли, теснясь, вихрем пронеслись в моей голове. Если попробовать описать мое состояние на бумаге... Наверное, можно сказать, что всякий раз, когда передо мной мелькали алые пятна листвы, в моем мозгу вспыхивали мимолетные видения, которые словами не выразить и за много часов. Возможно, Вы опять посмеетесь над моей привычкой фантазировать... Но это действительно так.

Опьяненная неистовством оттенков красной листвы, я ощутила в этом «пламени» горного леса нечто ужасное, убийственное, словно прикосновение холодного клинка. Верно, от нашей неожиданной встречи во мне проснулась детская привычка фантазировать.

В тот вечер мы с Киётакой сначала понежились в большой гостиничной сернистой ванне, выдолбленной прямо в скале, а потом вновь отправились в Сад георгинов, полюбоваться звездами. Служащий показал нам короткую дорогу, и вскоре мы, светя под ноги фонариком, вышли на вившуюся вверх по склону тропу. Впервые в жизни Киётаке довелось так много ходить. Похоже, костылик намял ему бок, потому что он то и дело останавливался, и в темноте я слы-

шала его негромкое всхлипывание. Но тогда я строго прикрикивала на него, и Киётака, собравшись с силами, медленно, с передышками, но все же брел вперед, вслед за перемещавшимся пятнышком света фонарика. Добравшись до входа в сад, мы немного постояли, переводя дух и глядя на звездное небо. Бесчисленные звезды мерцали так близко, что казалось, их можно достать рукой. Казалось, они подавляют, поглощают все силы. Во тьме виднелись лишь смутные силуэты растений разбитого на отлогом склоне горы сада, ощущался слабый аромат цветов; их краски были неразличимы в ночи. Да еще слегка шелестел ветерок. Все остальное – и вздымавшиеся перед нами горы, и павильончики канатной дороги, и стальные опоры, на которых крепился трос, – все было погружено во мрак и тишину. А над всем этим, в небе над нами, простирался яркий, отчетливо различимый Млечный Путь. Мы углубились в сад и пошли к дальнему его концу, не отрывая глаз от звездного неба. У выхода стояли две небольшие скамейки. Усевшись, мы с Киётакой облачились в купленные на лотке перед станцией в Ямагате куртки с капюшонами и, обдуваемые холодным ветром, долго смотрели на сверкающий космос. Есть какая-то щемящая грусть в этих звездах... И что-то необъяснимое в безграничности звездного неба, что рождает в душе безотчетный страх... Я почему-то чувствовала безутешную печаль от нашей встречи в горной глуши через десять лет после разлуки. Но что, собственно, печального в этом событии? Однако, подняв лицо к небу, я беззвучно твердила одно: «Печально, ах, как это печально!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.